

татар. Статья информативна, но в ней практически не освещена история тяжелой борьбы татарского народа за право на родину с помехами, чинившимися как властями Крыма, так и русскошовинистически настроенной частью (пожалуй, большинством) его населения. Статья показывает и трудности, с которыми приходится сегодня бороться репатриантам, и то, что резервы репатриации уже в значительной мере исчерпаны.

Рецензируемая книга должна быть оценена достаточно высоко. Она содержит ценный, умело систематизированный и поучительный фактический материал, делает из него ряд справедливых выводов: она написана в целом с объективных, либеральных и демократических позиций, на фоне которых отдельные рускопатриотические нотки выглядят скорее случайным исключением. Слабее ее концептуально-теоретическое содержание, и все же некоторые позитивные попытки типологизации можно признать удачными: дело лишь в том, что поток постсоветских миграций столь многофакторен и многолик, что каждая из них в своем роде неповторимо уникальна.

Панорама миграционных тенденций, вырисовывающаяся при чтении этой книги, сложна и многогранна, но в ней угадывается некоторая общая нить, ведущая к выводу, который в книге не сделан, но напрашивается. Все постсоветское пространство, как и весь мир, делится на регионы-доноры и регионы-реципиенты. При этом доноры потому и доноры, что стремятся «вытолкнуть» из себя этнические и/или социальные меньшинства; основным мотиватором «выталкивания» служит стремление оформиться в этнократические, этнически однородные, гомогенизированные нации-государства или хотя бы в этнократически самодостаточные территории. Во многих случаях цель эта может в обозримом будущем в общем и целом осуществиться. Другие регионы, в основном тяготеющие к крупным центрам-мегаполисам, пусть часто нехотя и с оговорками, но принимают на себя роль реципиентов миграций и тем самым наращивают свою этнокультурную мозаичность и диверсифицированность. Именно эти центры и не в последнюю очередь именно благодаря этой самой диверсифицированности и возможности принимать лучшие сливки миграционных потоков создают для себя перспективу динамичного культурного и экономического роста; регионы же, добившиеся полной гомогенности и избавившиеся от досадных, создающих лишние проблемы меньшинств, обрекают себя на провинциальную стагнацию.

С.А. Арутюнов

© 2000 г., ЭО, № 4

Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998. 286 с.

В 1995–1997 гг. группа грузинских ученых – этнографов, конфликтологов и психологов – работала над исследовательским проектом «Раннее выявление этнических конфликтов и определение социальной установки групп в полиэтническом обществе». Познавательные задачи проекта, без сомнения, были сформулированы в качестве попытки найти концептуальный ответ на актуализированные проблемы нынешнего этапа социо- и этнополитического развития Грузии, в том числе в сфере межэтнических отношений, которые складывались крайне неблагоприятно и конфликтно. Впрочем, авторы видят в этом проявление определенной закономерности: в переходных обществах, по их мнению, обостряются все виды социальных противоречий, поэтому Грузия, в которой переход от тоталитарно-советского прошлого к институтам гражданского общества и независимой государственности еще далеко не завершен, была как бы «запрограммирована» на конфликты.

Изучение конфликтов в генетическом, историческом и прогностическом аспектах открывает широкий диапазон исследовательских задач, начиная с вопроса о том, почему в обретшей независимость и провозгласившей свою приверженность демократическим ценностям Грузии социальное противостояние возникло в том числе и в межэтнической сфере. Однако исследовательский проект имел более узкие предметные рамки, что, впрочем, отнюдь не лишает рецензируемую работу научной значимости и практической актуальности. В частности, авторы избрали зоной исследования Ниноцминдский р-н Грузии – контактную зону взаимодействия проживающих здесь трех этнических групп: русских-духоборов, армян и грузин. Их

взаимодействие на групповом уровне протекает не без проблем, что послужило побудительным мотивом для предпринятого исследования, результаты которого отражены в рецензируемой монографии¹.

Читателю, малоознакомому с Ниноцминдским р-ном, будет интересно познакомиться как с историческим очерком этого уголка Грузии (входившего в историческую область Месхет-Джавахети), так и с этнокультурной характеристикой проживающих здесь этнических групп. Некоторые трудности восприятия могут возникнуть из-за распыленности соответствующих сведений по разным главам монографии, однако к завершающим страницам предстает достаточно полная, местами очень живо составленная дескрипция основных элементов материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта, обрядности, этнопсихологического статуса ниноцминдских духовоборов, армян и грузин.

Правда, некоторые выводы авторов соответствующих разделов порой озадачивают, как, например, заявление Н. Джавахадзе о том, что «у духовоборов нет погребальных обычаев» (с. 188). Между тем тот же автор ниже дает пространное описание обрядово-ритуальных действий, которые совершают духовоборы при прощании с умершим членом общины².

Однако при всей важности конкретно-этнографических материалов в исследовательской стратегии авторов они имеют лишь вспомогательное, инструментальное значение, позволяющее представить главное – культурные корни конфликта в Ниноцминда. Впрочем, конфликта ли? Л. Меликишвили в теоретической главе «Конфликт как социальное явление», давая хотя и не полную, но весьма представительную сводку дефиниций этого явления в западной и российской социологии, ранжируя типологию и функции конфликта, тем не менее так и не обозначила четко семантическое поле данного понятия, которое согласованно должны были принять участники проекта. Но если предположить, что исследовательской стратегией изначально допускался плюрализм авторских подходов к данному базисному понятию, не следует удивляться тому, что, хотя большинство участников проекта убеждено в конфликтном характере взаимоотношения этнических групп в Ниноцминдском р-не, И. Курцхалия в отличие от них считает, что «здесь мы имеем только предконфликтную ситуацию, а не конфликт» (с. 240).

Точно так же нет единства и по вопросу о количестве субъектов взаимоотношений в Ниноцминда. Здесь опять приходится констатировать особую, хотя и несколько противоречивую позицию И. Курцхалия, в соответствии с которой «в конфликте участвуют лишь армяне и духовоборы». Грузинскую позицию автор называет «нейтральной» (с. 230).

Впрочем, ознакомившись с материалами исследования, читатель сможет сделать собственные выводы о формах и степени вовлеченности контактных групп в межэтническое взаимодействие в Ниноцминдском р-не, равно как и о социокультурных факторах, детерминирующих конфликтность в этом полиэтничном уголке Грузии. Структура монографии, как мне кажется, подчинена именно этой цели – рассмотреть, с одной стороны, возможные детерминанты конфликтности, а с другой, – их реальное воздействие на ситуацию в Ниноцминда.

Авторы начинают почему-то с религии, но, как убедительно свидетельствуют материалы Л. Хуцишвили, религиозный фактор ни в малейшей степени не является причиной или катализатором напряженности. Другое дело, что религиозная специфика и связанные с ней особенности быта могут выступать составной частью комплекса культурных предубеждений, действующих на снижение образного и статусного восприятия контактной группы. Наличие подобных заниженных взаимооценок почти всегда является сопровождающим фоном межэтнической напряженности. Ниноцминдский материал подтверждает это.

Выявленные в ходе исследования и проанализированные по широкой предметной шкале авто- и гетерохарактеристики, из которых наиболее полярные и взаимоотвергающие разделяют армян и духовоборов, свидетельствуют об опасном уровне сложившегося здесь психологического напряжения. В то же время, думается, нет оснований преувеличивать конфликтный потенциал культурных факторов, во всяком случае в тех значениях, которые им придает Л. Меликишвили, считающая, что объяснение начальных причин противостояния в полиэтничном Ниноцминдском р-не возможно в свете теории Л.Г. Ионина о «культурном шоке» (с. 4).

Напряженность ситуации в Ниноцминда резко усилилась в последние десятилетия, поэтому основные причины дестабилизации обстановки следует искать в реалиях конца 1980–1990-х годов. С этой точки зрения важен проведенный авторами анализ демографических изменений в Ниноцминда, связанных с миграционной активностью – преимущественно армян, ставших здесь за относительно короткий срок численно доминирующей группой, и в меньшей степени грузин. Был разрушен исторически сложившийся мир «Духобории» (как называют Ниноцминдский р-н авторы монографии), породив одновременно острое межгрупповое соперничество за обладание материальными ресурсами территории (прежде всего землей) и власт-

ными полномочиями. При этом ситуация такова, что, как это показано М. Харшиладзе, все три группы ощущают себя притесняемыми.

Взгляды авторов на будущее духоборской общины в Грузии пессимистичны. «Духоборов ожидает неминуемое поражение», – резюмирует Л. Меликишвили, обосновывая свой вывод представленными в монографии материалами. Вероятно, это чувствуют и сами духоборы, видя единственный для себя выход в эмиграции. Массовые выезды 1980-х годов резко сократили их численность, а главное, с выбытием молодых поколений община состарилась, что лишает ее репродуктивных перспектив. Может статься, что к 2030-м годам, когда наступит 200-летний юбилей укоренения духоборов в Грузии, праздновать его будет некому.

Однако это не станет условием стабильности в Ниноцминда. В частности, по мнению И. Курцхалия, здесь просматриваются контуры нового конфликта, который неминуемо должен столкнуться проживающих на этой территории армян и грузин. Выше уже приводилось мнение И. Курцхалия о том, что ситуация в регионе носит лишь предконфликтный характер, или, по другому определению автора, армяно-духоборские противоречия имеют черты «нереалистического конфликта», так как для армян духоборы являются «эрзац-объектом», в то время как «реальным объектом конфликта являются грузины». Последние, будучи доминантным этносом в Грузии и, следовательно, имеющие право претендовать на землю и власть в Ниноцминда, остаются главным препятствием «на фоне представленных армянами территориальных претензий, вынашивающих идею создания "Великой Армении"» (с. 240–241). Армянский фактор вызывает настолько серьезное беспокойство за территориальную целостность Грузии в будущем, что порой авторам изменяют исследовательская выдержка и объективность и в эмоционально написанный текст вкрапляются характеристики и определения, которые, на мой взгляд, в академическом издании недопустимы.

Весьма важный аспект исследования – его практическая направленность. В частности, в процессе работы соответствующие рекомендации отсылались государственным структурам и, как отмечают авторы, «некоторые из них были приняты ко вниманию при решении ряда вопросов» (с. 5). Тем более интересно обратиться к общетеоретическим воззрениям авторов на проблему конфликтности в полиэтничном обществе. Как было сказано выше, конфликт воспринимается авторами как естественное явление социального процесса. Конфликты не только несут деструктивное начало, но и имеют функции, которые «нельзя воспринимать лишь только как негативный фактор», – например, функция интеграции, сплочения группы (с. 10), осознание обществом назревших проблем развития, разрядка «враждебного отношения или же напряжения» (с. 23).

В полиэтничном обществе большинство конфликтов связано с национальными меньшинствами, а конфликты этого рода авторы однозначно относят к негативной сфере социального развития. Они выступают за четкое конституционно-правовое регулирование социально-культурного развития меньшинств, но предупреждают от предоставления меньшинствам слишком большого объема прав. По мнению Л. Меликишвили, это «может дать толчок к проявлению искаженных форм взаимоотношений (доминантного этноса и меньшинства. – Ю.А.), а в дальнейшем перерасти в конфликт» (с. 36).

В еще более резкой форме Л. Меликишвили выступает против предоставления меньшинствам права на территориальное и политическое самоопределение, ибо в этом случае «следует ожидать не мирного сосуществования, а множества конфликтных ситуаций и насилия» (с. 35). Однако уроки истории, особенно современной, свидетельствуют о том, что непредоставление этого права влечет за собой не меньшее количество конфликтов и насилия. Политики обычно пренебрегают этими знаниями, но этнологу трудно отрешиться от исторического опыта этнополитического развития человечества.

Авторы рассматривают факторы, способствующие разрешению конфликтных ситуаций, однако в ряде случаев возникают сомнения в их действенности. Так, по мнению Л. Меликишвили, «взаимопонимание, слияние культур является одной из гарантий стабильности» (с. 2). Возможно, но «слияние культур», как мне кажется, вообще элиминирует проблему полиэтничности, ибо социальная ситуация переходит в качественно иную плоскость. Н. Джавахадзе преувеличенно надеется на то, что «свойственное родство между двумя этническими группами представляется твердой и устойчивой гарантией... предотвращения конфликтов» (с. 169). Между тем известно, что родственно-свойственные отношения в значительной степени связывали грузин с абхазами и осетинами, однако это не стало препятствием для кровавых межэтнических конфликтов. Очевидно, что при вступлении в действие конфликтных механизмов актуализируются иные психологические установки, определяющие реальное поведение группы.

Н. Джавахадзе, правда, оговаривает, что в отмеченных ею ситуациях «должен быть полностью исключен фактор вмешательства третьей силы, которая в силу различных политических соображений часто искусственно осложняет положение и вызывает конфликтные ситуации». Упоминания о злокозненности

«третьей силы» можно встретить и в других разделах монографии. Для тех, кто не знаком с современным политическим лексиконом в Грузии, придется пояснить, что под «третьей силой» обычно подразумевается Россия. Собственно говоря, Г. Чиковани прямо заявляет, что, например, «разжигание вражды между грузинами и армянами выгодно определенным силам в России» (с. 135).

Однако гораздо продуктивнее исследовать внутренние импульсы конфликтогенности, равно как и те стабилизационные механизмы, которые могут быть задействованы самим социумом. С этих позиций я считаю чрезвычайно ценной и плодотворной мысль Л. Меликишвили о том, что «одно общество отличается от другого не отсутствием в нем конфликта, а тем, как оно относится к таковому» (с. 11).

При этом очевидно, что специфика реакции общества на конфликт зависит от многих составляющих весьма широкого диапазона – от восприятия полиэтничности как сущностного элемента саморазвития социума до представления о многонациональности как о тяжком грузе исторического наследия, препятствующем строительству национальной государственности; от готовности конституционно гарантировать многообразные права меньшинств («вплоть до отделения») до ограничения возможностей их этносоциального развития в лучшем случае рамками культурной автономии; от признания ошибочности собственной стратегии в разгорающемся конфликте до склонности видеть во всех бедах злокозненные происки национальных элит, третьей силы и т.п.

Конечно, любой исповедуемый принцип можно довести до абсурда (в чем часто обвиняют сторонников «вплоть до отделения»), но в данном случае важен преимущественный фон общественных настроений, который дает возможность власти (или заставляет ее) начать сложный путь поиска взаимоприемлемых компромиссов, не прибегая к крови и насилию как к средству разрешения конфликта. Неадекватно жесткие меры, которыми руководство Грузии хотело покончить с конфликтами в Южной Осетии и Абхазии, были встречены полной поддержкой и одобрением со стороны грузинского общества, и это, пожалуй, одна из самых мрачных страниц новейшей истории Грузии. Научное значение и общественный пафос рецензируемой монографии свидетельствует, что грузинские этнографы активно включились в поиски новых подходов к решению конфликтных ситуаций на межнациональной почве, что крайне актуально для Грузии, которая по крайней мере в обозримой перспективе обречена оставаться полиэтничным государством.

Примечания

¹ Автор проекта и руководитель экспедиций Л. Меликишвили, авторский коллектив Л. Меликишвили, Н. Джавахадзе, С. Бахиа-Окруашвили, Г. Чиковани, М. Харшиладзе, Л. Хуцишвили, В. Шубитидзе, Н. Цинцадзе, К. Хуцишвили, М. Варазашвили, И. Курцхалия

² См. также: *Ицкова С.А.* Похоронно-поминальный обряд духоборов // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993.

Ю.Д. Анчабадзе

© 2000 г., ЭО, № 4

В.П. Кривоногов. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998. 320 с.

Виктор Павлович Кривоногов – ученый-полевик, работающий среди коренных народов Средней Сибири. Основное место в его работах занимает исследование современных этнических процессов у народов данного региона. Проблема этнических процессов, и в частности этнических процессов у народов Сибири, не нова. Тем не менее монография В.П. Кривоногова представляет несомненный интерес, поскольку впервые в одной работе проводится исследование этнических процессов у народов, численность которых измеряется всего лишь несколькими сотнями человек (кеты, нганасаны, тофалары, чулымские тюрки, энцы).

Как отмечает автор монографии, им не ставилась задача исследования этногенеза и древней истории этих народов, тем более что имеются работы Б.О. Долгих, В.И. Васильева, Э.Л. Львовой, А.А. Попова, Г.Н. Грачевой, Е.А. Алексеевко, Ю.Б. Симченко, С.И. Вайнштейна и других ученых. Однако события